

ЯЗЫК И КАРТИНА МИРА¹

Александр Леонидович Никифоров – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: nikiforov-first@mail.ru

Alexander L. Nikiforov — doctor of philosophy, professor, leading research fellow at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

LANGUAGE AND THE PICTURE OF THE WORLD

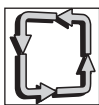
Окружающий нас мир наполнен предметами: расцвел куст шиповника, бабочка пролетела, назойливо пищат комары, идут по дороге какие-то люди — все это предметы. Наш язык способен превращать в предметы даже такие вещи, как удар грома, любовь или улыбка Джоконды. Когда мы о чем-то говорим, мы превращаем это нечто в предмет. «Мы окружены предметами. Всю жизнь мы опознаем, классифицируем, оцениваем и используем предметы. Почти все, что мы ценим, чем любимся, чего пугаемся, по чему скучаем, — предметы. Мы привыкли к тому, что предметы (объекты) видны повсюду, и поэтому, наверное, трудно представить себе, что способность нашего зрения видеть предметы все еще загадочна. Тем не менее это так» [Грегори, 1972: 9].

Еще более загадочным представляется тот факт, что окружающие нас предметы осмысленны. Ударившись о край стола, я не гадаю о том, что это острое вонзилось в мой бок, а сразу понимаю, что это стол, за которым сидят, на котором лежат бумаги и книги. Глядя в окно на вереницу каких-то странных черных, красных, желтых предметов, припорошенных снегом, я понимаю, что это — стоящие во дворе автомобили.

Мы живем в мире, наполненном осмысленными предметами

Этот факт для нас настолько привычен, что мы почти никогда над ним не задумываемся. Каждый из нас с детства входит в мир осмысленных предметов, постепенно открывает их свойства, учится узнавать их и действовать с ними. В нас естественно укрепляется убеждение в том, что этот мир существует сам по себе, независимо от нас. Конечно, ведь мы вошли в этот мир, когда он уже существовал! Умерли наши родители, скоро и мы покинем этот мир, но в нем останутся жить наши дети и внуки. Даже если с лица земли исчезнут все люди, этот мир сохранится и все так же осенью будут опадать с кленов разноцветные резные листья, весной расцветать цветы, наполняя воздух ароматом, заливаясь соловьи в березовых рощах.

¹ Дискуссия (при участии А.Ю. Антоновского, Е.В. Востриковой, П.С. Куслия, И.Т. Касавина) подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00872.

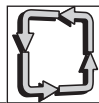

Но так ли это? Обыденный здравый смысл принимает вещи такими, какими они нам кажутся: вот стоит будильник, тикает, стрелки движутся, показывает время. Взрослый человек обычно не задумывается над тем, почему часы ведут себя подобным образом, даже если и не знает этого. Лишь ребенок разламывает будильник, чтобы узнать, что у него внутри, что там тикает и почему стрелки движутся. Философ похож на этого ребенка, он тоже пытается «разломать» окружающие вещи, чтобы понять, из чего и как они устроены.

В конце XIX в. этим вопросом заинтересовался видный австрийский физик Эрнст Мах, который начинает свои рассуждения приблизительно с той же картины, что выше рисовал английский психолог Грегори: «Я нахожу *себя* в пространстве, окруженным различными телами, способными двигаться в этом пространстве. Тела эти суть “безжизненные” тела, растения, животные, люди. Мое *тело*, тоже способное двигаться в пространстве, является для меня в такой же мере видимым, осязаемым, вообще чувственным объектом, занимающим часть чувственного пространства, находящимся *вне* остальных тел и *рядом* с ними, как сами эти тела» [Мах, 2003: 39]. По-видимому, каждый из нас приблизительно теми же словами опишет мир, центром которого он себя чувствует, в котором он живет и действует.

Как и многие до него, Мах пытается понять, что же представляют собой окружающие его тела, как они «устроены»? «Назовем куда, — начинает он свои рассуждения, — совокупность всего существующего непосредственно в пространстве для *всех* именем *физического* и непосредственно данное только *одному*, а для всех других существующее только как результат умозаключений по аналогии — именем *психического*» [Мах, 2003: 39–40]. Мах начинает с разделения всех вещей и явлений на два класса: то, что существует для всех (или признается существующим всеми), есть физическое; то, что существует только для одного человека, для меня, есть психическое. Дома, автомобили, деревья или звезды существуют для всех, они будут физическими телами. Моя радость или моя боль, мои мечты и надежды существуют только для меня, другие люди могут даже не догадываться об их существовании, это будут психические, или субъективные, явления.

Далее Мах обращается к анализу «физического»: «Все *физическое*, найденное мною, я могу разложить на *элементы*, в *настоящее время* дальнейшим образом неразложимые: цвета, тоны, давления, теплоту, запахи, пространства, времена и т.п. Эти элементы оказываются в зависимости от условий, лежащих вне и внутри U [тела]. Постольку, и только постольку, поскольку эти элементы зависят от условий, лежащих внутри U, мы называем их также *ощущениями*» [Мах, 2003: 42]. Мах оставляет в стороне эмоции, переживания, мечты как принадлежащие одному лишь субъекту и рассматривает те объекты,

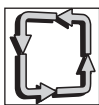

которые существуют для всех людей. Эти объекты он разлагает на элементы — знаменитые «элементы мира» — и старается понять, что они собой представляют. Здесь важно подчеркнуть, что «элементы» Маха представляют собой нерасторжимое единство внешнего и внутреннего. Внешнее — то, что обусловлено окружающим миром, внутреннее зависит от работы наших органов чувств и, вероятно, от мышления. За неимением более подходящего термина Мах называет свои элементы ощущениями. Однако следует иметь в виду, что элементы Маха не принадлежат всецело психике субъекта, они есть соединение сознания с внешним миром, представляют собой сплав субъективного с объективным. В каждом элементе одновременно присутствуют и субъект, и внешний мир. Поскольку органы чувств у всех людей устроены и действуют более или менее одинаково, поскольку внешний мир воздействует на органы чувств разных людей также одинаково, постольку элементы мира оказываются общим достоянием всех.

Мах говорит о том, что в «настоящее время», т.е. в конце XIX в., эти элементы представляются неразложимыми. По-видимому, теперь мы можем попытаться расщепить их и более точно сказать, что собой представляют их внешняя и внутренняя стороны.

Внешнюю сторону мы можем истолковать как воздействие на нас окружающей среды. Внешний мир воздействует на человека множеством разных способов: потоки света и электромагнитные волны, звуки и тяготение, тепловые и химические воздействия, давление и космическое излучение — все это со всех сторон изливается на тело человека. Далеко не все эти воздействия осознаются и фиксируются нами: для одних у нас нет воспринимающих органов, скажем, в отличие от летучей мыши мы не воспринимаем ультразвук, другие должны обладать определенной интенсивностью, чтобы преодолеть пороги восприятия. «В сущности, нашим органам чувств, — замечает Грегори, — предметы доступны лишь в очень малой степени. Ведь *ощущаются не предметы как таковые* (курсив мой. — А.Н.), а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда — болевые уколы, оставляющие при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след — царапину. Нашим ощущениям непосредственно доступна лишь малая часть важных свойств объектов» [Грегори, 1972: 9].

Здесь высказана чрезвычайно важная мысль: «ощущаются не предметы как таковые», ощущаются воздействия внешнего мира на нашу чувственность. Обычно мы исходим из убеждения, что вне нас существуют предметы с присущими им свойствами и эти предметы оказывают на нас воздействие. Но это убеждение если не ошибочно, то во всяком случае сомнительно. С уверенностью мы можем сказать лишь одно: внешний мир оказывает на нас воздействия, но что стоит

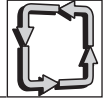

за этими воздействиями — предметы, явления, события или что-то еще — об этом мы пока говорить не можем, тем более что многих воздействий мы просто не воспринимаем.

Некоторые из внешних воздействий фиксируются нашими органами чувств и осознаются в виде ощущений и восприятий. Но что такое ощущение? Как оно возникает? «Даже при весьма беглом знакомстве с работой нашей когнитивной системы, — писал известный отечественный философ И.П. Меркулов, — обеспечивающей генерацию восприятий, становится понятно, что возникающие внутренние репрезентации объектов и событий внешнего мира, перцептивные образы (“иконны”), конечно же, не идентичны и даже *не изоморфны* физическим свойствам этого мира» [Меркулов, 2006: 129]. Не вдаваясь в споры о том, являются ли ощущения образами внешних объектов или их символами, как в свое время полагал Г. Гельмгольц, мы будем рассматривать их как интерпретации: *ощущение есть интерпретация внешнего воздействия на орган чувств*.

Слово «интерпретация» мы можем использовать здесь в его точном логическом смысле. В логике интерпретацией называют приращение значения символам, значкам формальной системы. Скажем, набор знаков «А&В» есть просто набор графически различных символов. Мы можем интерпретировать (истолковать) значки «А» и «В» как высказывания «Снег бел» и «Уголь черен», а значок «&» — как представление союза «и». Тогда наш набор значков превратится в сложное высказывание «Снег бел, и уголь черен». Точно так же наши органы чувств интерпретируют внешние воздействия, соотнося с ними ощущения и восприятия. И как высказывание «Снег бел» не имеет ничего общего с буквой «А», так и ощущение цвета, запаха, вкуса не имеет ничего общего с тем воздействием, которое его вызвало. Следует обратить внимание на то, что интерпретация всегда предполагает наличие того, *что* интерпретируется. Рассматривая ощущения как интерпретации, мы подразумеваем внешнее воздействие. Сначала нужно задать синтаксис, и лишь потом можно говорить об интерпретации. Бессмысленно говорить об интерпретации, когда нечего интерпретировать. Поэтому рассмотрение ощущений как интерпретаций подразумевает существование внешнего мира, оказывающего воздействия.

В создании чувственного образа (интерпретации) принимают участие не только внешнее воздействие и его переработка соответствующим органом чувств, но также воображение и память. Воображение дополняет чувственный образ известными связями, сторонами, которые в данный момент не воспринимаются. Например, глядя на три точки на листе бумаги, мы невольно соединяем их линиями и получаем образ треугольника. Память вносит в чувственный образ те черты, которые были присущи ему в иных ситуациях и при иных воз-

действиях. Скажем, когда сейчас я смотрю на кусок сахара, то непосредственно воспринимаю только одну из его сторон, но память дополняет образ плоской поверхности, придавая этому образу объем, твердость, остроту ребер, сладкий вкус и т.д. Поэтому я вижу не плоскую поверхность, а кубик сахара. «Получая тончайшие намеки на природу окружающих объектов, мы опознаем эти объекты и действуем, но не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем мы догадываемся. Человек кладет книгу не на «темно-коричневое пятно», он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол — нечто более значащее, чем любое пятно или край» [Грегори, 1972: 9–10].

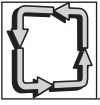
Мы не «догадываемся», мы интерпретируем. И решающую роль в интерпретации внешних воздействий, в построении образов предметов играет язык. В конце XIX в. Мах еще не мог вполне оценить этой роли, однако так называемый «лингвистический поворот» в философии XX в., развитие философии языка, исследования гештальт-психологов, психолингвистов показали, что в интерпретации внешних воздействий важнейшую роль играет используемый нами язык. Слово налагается на чувственное восприятие и часто определяет, какой именно образ мы получим. Вспомним известную картину Сальвадора Дали «Невольничий рынок с исчезающим бюстом Вольтера»: какие-то развалины, какие-то люди — монахи, рабы, женщины, желтый песок, чаша... Только мысль, связанная с именем «Вольтер», и воспоминание о скульптуре Гудона позволяют нам увидеть в этом смещении фигур и красок известный бюст Вольтера. Человек, не слышавший о Вольтере, не увидит на этой картине никакого бюста.

Теперь мы можем дополнить анализ Маха и сказать, что элементы мира представляют собой сплав внешнего воздействия с его интерпретацией посредством органов чувств и языка, т.е.:

Элемент мира = внешнее воздействие + чувственная интерпретация + вербальная интерпретация.

Итак, что же собой представляет мир, в котором мы живем?

Мы начали с того, что он состоит из предметов; вслед за Махом разложили предметы нашего мира на элементы, представляющие собой единство внешнего воздействия и его интерпретации посредством чувств и языка. Соединяя с чувственным восприятием слово, мы придаем чувственному образу общий характер и вкладываем в него смысл — тот смысл, носителем которого является слово. Так формируется образ предмета. В соответствии с грамматическими категориями языка — существительными, прилагательными, глаголами — мы интерпретируем внешние воздействия, создавая образы предметов, свойств, процессов, отношений и т.д. Чаще всего именно слово

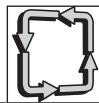

оказывает решающее воздействие на то, что мы видим. В связи с этим можно вспомнить детские головоломки, когда в хаосе переплетенных линий нам предлагают увидеть какой-то рисунок. Пока не сказано, что именно нужно увидеть, чрезвычайно трудно выделить из этого клубка перепутанных линий образ предмета. Но когда говорят, что здесь изображен охотник с собакой или сидящая на дереве птица, мы быстро обнаруживаем искомый объект. Об этом же свидетельствуют так называемые «переворачивающиеся» изображения: утка — кролик, два профиля — ваза, фигура Маха и т.п. В этих изображениях мы можем видеть то утку, то кролика, то молодую девушку, то безобразную старуху, то корешок книги, то ее разворот — в зависимости от того, какое слово мы соединяем с чувственным восприятием, что хотим увидеть.

Теперь становится понятно, почему окружающие нас явления, события, предметы *осмысленны*. Когда я, перевалив через вершины горы, вижу спускающиеся к ее подножию разноцветные пятна среди зелени, какую-то желтую полосу, что-то сверкающее вдали, я интерпретирую это как крыши домов, в которых живут люди, желтую полосу песка вдоль края сверкающего моря. Это приморский городок, где можно отдохнуть и подкрепиться. Я с помощью языка вкладываю смысл в эти разноцветные пятна и создаю из них предметный мир. Слово конструирует объект, интерпретируя чувственные впечатления определенным образом, объективирует его, придавая ему статус самостоятельного независимого от нас объекта, обладающего теми или иными свойствами. А нам представляется, что слово служит лишь для обозначения уже предсуществующего объекта. Конечно, слово что-то обозначает, но это лишь его вторичная, производная функция: оно сначала конструирует, а потом используется для обозначения сконструированного с его помощью объекта.

Слово придает смысл чувственным впечатлениям. Но что такое смысл? В первом приближении можно сказать, что смысл слова состоит по крайней мере из трех слоев. Первый слой смысла образуется нашим знанием о тех объектах, к которым мы относим слово, например смысл слова «дерево» включает в себя знание о том, что это высшее растение, имеющее ствол, корневую систему и крону; смысл слова «зеркало» содержит знание о том, что это стеклянное или металлическое тело с отражающей поверхностью, и т.д. Знание — это та часть смысла слов, которая является более или менее общей для всех языков и всех народов, языки которых имеют аналогичные слова. Английские слова «tree» и «mirror» или немецкие слова «der Baum» и «der Spiegel» несут в своем смысле то же знание, что и русские слова.

Второй слой смысла образуется культурными коннотациями и ассоциациями — это то, что добавляет к знанию та или иная культура. Нищие побираются во всех странах, но в России нищий просит на ку-

сок хлеба, а в Испании или во Франции — на чашечку кофе. Слова, обозначающие красный флаг, серп или молот, в советскую эпоху несли в себе такой смысл, который совершенно отсутствовал в соответствующих словах английского или японского языка. Немецкое слово «der Führer», означающее «руководитель», в фашистской Германии приобрело новый, особый смысл, причем этот новый смысл стал основным, почти совершенно вытеснив слой знания.

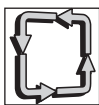
Наконец, почти каждое значащее слово обладает еще одним, личностным смыслом, выражающим отношение к вещам и явлениям данного конкретного субъекта, их оценку, какие-то личные ассоциации:

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой,
Но их позабыть невозможно, —
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых,
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

М.Ю. Лермонтов

Если мы встаем на ту точку зрения, что именно язык, придавая интерпретацию внешним воздействиям, формирует мир объектов, в котором живет человек, то трехслойная структура смысла языковых выражений задает соответствующую структуру жизненного мира человека. Первый уровень этого мира задается нашим обыденным знанием, полученным в результате повседневного общения с вещами. Известный американский психолог Дж. Гибсон называет его «окружающим миром» и полагает, что не только человек, а каждый биологический вид живет в своем окружающем мире: «Животные и человек воспринимают окружающий их мир. Окружающий мир отличается от мира физического, т.е. от того мира, каким его описывают физики. Наблюдатель и его окружающий мир взаимно дополняют друг друга. В таком же отношении (взаимодополнительности) со своим общим окружающим миром находится и совокупность наблюдателей» [Гибсон, 1988: 42].

К миру здравого смысла и повседневного опыта науки добавляют свои онтологические картины. Каждая наука создает свою онтологию, свою картину мира. «Наиболее изученным образцом картины исследуемой реальности, — пишет в связи с этим В.С. Степин, — является физическая картина мира. Но подобные картины есть в любой науке, как только она конституируется в качестве самостоятельной отрасли научного знания. Обобщенная характеристика предмета исследования вводится в картину реальности посредством пред-

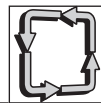

ставлений: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих закономерностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности. Все эти представления могут быть описаны в системе онтологических принципов, посредством которых эксплицируется картина исследуемой реальности и которые выступают как основание научных теорий соответствующей дисциплины» [Степин, 2000: 219].

Приблизительно так же обстоит дело в химии, биологии и даже социологии. Биология вводит понятия живой клетки, мейоза и митоза, хромосомы и гена, биологического вида, популяции, биоценоза и т.п. Чаще всего фундаментальные объекты онтологической картины той или иной науки рассматриваются как идеальные объекты, в реальности в чистом виде не существующие. Однако ученый в реальных эмпирических вещах и явлениях видит именно идеальные объекты своей науки и отношения между ними. Иначе говоря, с помощью своих теоретических понятий, относящихся к идеальным сущностям, ученый конструирует реальные объекты своего изучения, задавая определенную интерпретацию внешних воздействий.

Над этим миром повседневного опыта и интересубъективного знания надстраивается мир национальной культуры, задаваемый национальным языком, традициями, историей. Здесь нам важно обратить внимание на то, что культура вносит в жизненный мир человека такие объекты и ситуации, которых нет в мире опыта и знания. Скажем, мифы рассказывают мне о Зевсе и Афродите, о Троянской войне и о Пегасе или кентаврах; христианская Библия говорит мне о Моисее и Иисусе Христе, Коран — о пророке Мухаммеде. Художественная литература вводит в мой мир Гамлета и Отелло, прелестную Анну Каренину и милую Татьяну, проницательного Шерлока Холмса и простодушного доктора Ватсона. Живопись, кинематограф обогащают мой мир своими героями. Наконец, средства массовой информации пичкают меня сведениями о событиях и лицах, которые если и существуют, то очень далеко от меня.

Конечно, жизненный мир отдельного человека, во-первых, гораздо беднее, чем мир знания и мир культуры, ибо опыт каждого человека ограничен и он способен усвоить лишь очень небольшую часть знаний и культуры общества; во-вторых, он имеет индивидуальную окраску: на окружающие вещи и относящиеся к ним слова налагаются личное отношение и личная оценка. Благодаря тому что каждый индивид отбирает из мира знания и культуры что-то свое и вкладывает в это выбранное свое личное отношение, каждый из нас живет в своем особом индивидуальном мире.

Библиографический список

- Гибсон, 1988 — *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М. : Прогресс, 1988.
- Грегори, 1972 — *Грегори Р.* Разумный глаз. М. : Мир, 1972.
- Мах, 2003 — *Мах Э.* Познание и заблуждение. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.
- Меркулов, 2006 — *Меркулов И.П.* Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т.2. СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006.
- Степин, 2000 — *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

References

- Gibson Dzh. Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vospriyatiju. (The Ecological Approach to Visual Perception). Moscow, 1988.
- Gregori R. Razumnyj glaz (The Intelligent Eye). Moscow, 1972.
- Mach E. Poznanie i zabluzhdenie (Erkenntniss und Urrtum). Moscow, 2003.
- Merkulov I.P. Jepistemologija (kognitivno-jevoljucionnyj podhod). T. 2. Saint-Petersburg, 2006.
- Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. Moscow, 2000.